

**Калмыцкая народная протяжная песня
«Харһа сээхн харһла»: сравнительный анализ вариантов**

Убушиева Татьяна Акимовна¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-8972-394X. E-mail: tanya-altana@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются два образца старинной калмыцкой народной протяжной песни «Харһа сээхн харһла» в мужском исполнении Наниша Обушиева (запись 1970 г.) и в женском — Ноган Бадалдаевой (запись 1998 г.). Изучение односюжетной песни «Харһа сээхн харһла» показало некоторые особенности сохранности и изменчивости фольклорного текста — как в музыкальном, так и в вербальном соотношении. Впервые в научный оборот вводится нотирование данного произведения, которое необходимо для дальнейшего изучения, распространения и возрождения калмыцкой народной протяжной песни. Рассматриваемая песня имеет схожую сюжетно-композиционную структуру. Различия наблюдаются в том, что каждый исполнитель представляет свой материал в различном темпе, высоте, в разном ритмическом рисунке и тембральном окрасе, в характере исполнения. Изучение и введение в научный оборот калмыцкой народной протяжной песни «Харһа сээхн харһла» способствует сохранению и популяризации самобытного культурного песенного наследия калмыков.

Ключевые слова: калмыцкая народная протяжная песня, мужское и женское исполнение, поэтика, текст, музыкальные особенности.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1). Автор выражает благодарность Кинзеевой Киштян Ивановне за предоставленные аудио- и видеоматериалы.

Для цитирования: Убушиева Т. А. Калмыцкая народная протяжная песня «Харһа сээхн харһла»: сравнительный анализ вариантов. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (3): 282-297. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-282-297.

**Kalmyk Folk Drawling Song *Kharha sääkhkn kharnla*:
comparative analysis of options**

*Tat'yana A. Ubushieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0001-8972-394X. E-mail: tanya-altana@bk.ru

Abstract. In the article two samples of ancient Kalmyk folk drawling song *Kharha sääkhkn kharnla* in male performance of Nanish Obushiev (recorded in 1970) and in female performance of Nogan Badaldaeva (recorded in 1998) are considered. The study of a one-plot song *Kharha sääkhkn kharnla* showed some peculiarities of preservation and variability of the folklore text — both in musical and verbal ratio. For the first time, the scientific turnover introduces the notation of this work, which is necessary for further study, distribution and revival of the Kalmyk folk drawling song. The song under consideration has similar subject-compositional structure. The differences appear when each performer represents the material in different tempo, height, in different rhythmic drawing and tonal color, in character of the performance. The study and introduction into the scientific discourse of the Kalmyk folk drawling song *Kharha sääkhkn kharnla* promotes the preservation and popularization of the original cultural song heritage of the Kalmyks.

Keywords: Kalmyk folk drawling song, male and female performance, poetry, text, musical features

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5). The author expresses gratitude to Kinzeva Kishtian Ivanovna for the audio and video materials provided.

For citation: Ubushieva T. A. Kalmyk Folk Drawling Song *Kharha sääkhkn kharnla*: comparative analysis of options. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (3): 282-297. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-282-297.

Народная песня является частью богатейшего фольклорного наследия калмыцкого народа и занимает достойное место в его духовной культуре. В калмыцкой народной песне, как и в других жанрах фольклора, отображаются исторические события, героические подвиги богатырей, жизнь и быт простого народа с его радостями и разочарованиями.

«Фольклор — многовековая, миллионоустая лаборатория, кузница художественного воплощения народного характера, народных идеалов, национального стиля. Фольклор — великое искусство и потому великая, вечно живая школа. Современное искусство получило возможность широкого общения с народным творчеством... Наука еще многое не осознала в музыкальном фольклоре...» [Земцовский 1978: 14].

«Музыкальный фольклор калмыков включает бытовые, исторические, социальные, трудовые, лирические песни... Старинная песня часто повествует о тяжелой народной доле, многовековом гнете феодалов и царизма, а также о нужде» [Тритуз 1965: 10].

Значительную часть музыкального наследия калмыков составляет протяжная песня *ут дун*. История ее возникновения уходит корнями в глубокое прошлое. Она бытовала среди кочевников Центральной Азии еще до образования единого монгольского государства. В период совместного пребывания монгольских народов в едином территориальном пространстве протяжные песни использовались преимущественно в качестве церемониальных песен [Манджиева 2014].

Л. И. Цебиков о протяжной песне калмыков пишет: «Главным композиционным признаком «*ут дун*», как и протяжных песен других народов, является внутрислоговые распевы. Традиция одноголосного пения наложила отпечаток на своеобразие распевов. Так, протяженность и мелодика распевов не имеют какой-либо строгой закреплённости, а имеют импровизационный характер и зависят в основном от степени одаренности исполнителя. Не скованный рамками ансамблевого пения, певец свободно импровизирует традиционными приемами орнаментирования, сохраняя при этом мелодическую основу, украшая ее мелизмами, расцветывая

различными вокальными приемами. Можно отметить, что определенное влияние на распевы часто оказывает эмоциональное состояние певца в момент исполнения...» [Цебигов 1991: 7].

Поскольку калмыки и монголы являются родственными народами, то это высказывание относится и к калмыцкой *ут дун*: «Монгольская народная поэзия складывалась и развивалась на протяжении многих веков. Один из ее самых живых жанров — народная песня. Народной песне выпала судьба стать хранительницей художественных традиций, донести до нас сложившийся в давнюю пору эстетический идеал, образ неделимости мира, родившийся в среде кочевников Центральной Азии. Монголы во все времена отдавали предпочтение протяжным песням. Они самые торжественные, самые душевные, самые старинные. Духовная ценность протяжной песни для монголов нетленна» [Яцковская 1988: 3].

И. В. Кульганек со ссылкой на А. В. Попова и Д. Б. Улымжиева пишет: «На тесную связь народных песен калмыков с бытом и жизненным укладом народа обратил внимание А. В. Попов. Молодой ученый, а впоследствии первый заведующий кафедрой монгольской и калмыцкой словесности Санкт-Петербургского Императорского университета (в то время экстраординарный профессор Казанского университета), возвратившись из летней четырехмесячной командировки в калмыцкие улусы Астраханской, Саратовской губерний и Кавказской области, представил подробный отчет, в котором главное внимание обратил на бытование «материалов по истории калмыцких песен». Таким образом, можно сказать, что к этому времени четко очерчивается интерес научного сообщества к устному народному творчеству монгольских народов...» [Кульганек 2010: 27].

В настоящее время сохранение и изучение песенной традиции *ут дун* является одной из актуальных задач калмыковедения. Калмыцкая народная песня достаточно изучена фольклористами, искусствоведами и музыковедами. В работах Н. А. Нефедьева, П. Небольсина, А. В. Попова, А. Д. Руднева [Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Попов 1839; Руднев 1909], М. Л. Тритуза,

И. И. Земцовского [Тритуз 1965; Земцовский 1978], Л. И. Цебикова, Д. Б. Улымжиева, И. В. Кульганек, Н. Ц. Биткеева [Цебиков 1991; Улымжиев 1994; Кульганек 2010; Биткеев 2005], К. Н. Яцковской, В. К. Шивляновой, Б. Б. Манджиевой, Б. М. Коваевой, Г. А. Дорджиевой [Яцковская 1988; Шивлянова 1999; Манджиева 2014; Коваева 2014; Дорджиева 2002] и др. рассматриваются история возникновения протяжных песен, их содержание, мелодия и многие другие аспекты.

В статье Б. М. Коваевой описывается: «Как показывают экспедиционные материалы (2012–2013 гг.), проведенные на территории Республики Калмыкия в рамках проекта «Калмыцкое устное народное творчество в контексте сохранения языкового и культурного многообразия России» Госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации, калмыцкая народная песня продолжает свое существование в новых условиях, адаптируясь к духовным потребностям современных калмыков, воспитанных в полилингвальной среде, зачастую не в полной мере знакомых с духовным наследием предыдущих поколений. Разрушение сложившихся фольклорных традиций происходит постепенно и продолжается бесконечно. Новации проявляют себя по-разному и в разной степени: они могут быть незначительными, приводят к изменению поэтической структуры песни, могут кардинально изменить основную идею, содержание песни или повлиять на изменении жанровых черт народной песни» [Коваева 2014].

В настоящей статье объектом изучения является калмыцкая народная протяжная песня «Харһа сээһн харһла» в мужском и женском исполнении. Типы исполнения протяжных песен, различие между женской и мужской манерами пения ранее не исследовались учеными. Однако разница очевидна: а) мужское исполнение более низкое по тембру, грустное, размеренное — в протяжных песнях, исполняемых мужчинами, присутствует описание исторических событий, моментов сражений, ухода из родного дома, скитание по миру, судьба сирот и т. д. Либо оно быстрое, связанное с ходом и бегом коня, так как конь является для наездника основным другом и соратником в бою; б) женские песни — плачи, свадебные, хва-

лебные, колыбельные — более высокие по интонациям и в мелодическом диапазоне, более красочные и с различными мелизмами (в тембральном плане; скачки в интервалах, синкопированные мелодические пассажи, ритмические изменения: ускорения, замедления, говорения, плачи), яркие, радостные.

В калмыцкой песенной традиции поэтический текст используется с напевами разных стилевых исторических пластов «старинного» и «современного», в растянутой форме, в различной тембральной окраске и ритмических рисунках. Мужское исполнение *ут дун* до настоящего времени остается явлением крайне редким и малоизученным. Среди полупрофессиональных вокалистов известен лишь один исполнитель — Очир Манджиев.

Женское исполнение калмыцкой протяжной песни сохранено благодаря таким известным певицам, как Улан Лиджиева, Валентина Гаряева, Валентина Ильцаранова, Антонина Мукаева, Булгун Манджуракова, Лидия Насунова, которые работали в Государственном ансамбле песни и танца «Тюльпан», а также народным исполнительницам — Н. Бураевой, Б. Очировой, Б. Хараевой.

«Песни у Калмыков вертятся около одного предмета — обширной степи, статного коня и милаго юноши. Иногда в песнях вовсе не говорится о человеке прямо, но воспевается один конь, с прибавкою, что он был с таким-то тавром: это уже служит намеком и на улус, и на род, а иногда и на самое лицо героя песни. Калмыки — мастера импровизировать и поэтому вечно поют песни собственного сочинения, несlišком заботясь ни о форме, ни о содержании, а довольствуясь только тем, ... что промурлыкать от скуки» [Небольсин 1852: 131].

«Песни калмыцкого народа, созданные в различные периоды жизни по поводу разных событий, выполняли социальную функцию. В далеком прошлом они не записывались, появлялись и исчезали, забывались так же, как и остались безымянными многие некогда сложившие и распевавшие их певцы. Сохранившиеся в памяти людей песни, сопутствуя истории народа, отражали события и факты жизни многих поколений калмыков...» [Биткеев 2005: 18].

«Напевы или тоны Калмыцких песен однозвучны и чрезвычайно унылы; а потому, не зная слов, всегда можно думать, что в пении их выражается одна грусть. Необыкновенная протяжность и переходы к гортанным звукам, составляя в ... пении главное достоинство, делают его не подражаемым; но песня плясовая из сего исключаются...» [Нефедьев 1834: 217].

В статье В. К. Шивляновой описывается работа советского фольклориста и музыковеда А. М. Листопада по сбору калмыцких песен в 1902 году: «Фиксируя «текст на музыке» (при пении), Листопад воспринимал особенности диалекта донских калмыков как лексические, так и фонетические. Не допуская «олитературивания» текста, он сохранял характерные повторы слов, словообрывы, междометия, дополнительные слоги и звуки, употребляемые в распевных протяжных песен» [Шивлянова 1999: 542].

В работе по расшифровке и нотированию протяжных песни, есть много сложностей, тому подтверждение находим в работе А. Д. Руднева: «Насколько мне известно, ни одно из монгольских племен не имеет хорового — многоголосового — пения... Сами монголы исполняют их в натуральном строе, а не в темперированном. Постоянное *portando* / слияние звуков в переходах / особенно в протяжном пении и неопределенное *tremolando* / «горловые трели» / очень затрудняет запись и воспроизведение мелодий» [Руднев 1909: 12–13].

В данной статье на примере калмыцкой народной протяжной песни «Харһа сээхн харһла» мы попытаемся показать различный характер мужского и женского исполнения, его разнообразие в ритмических рисунках, различия в тембральной окраске, а также вербальные изменения песни.

Данная песня относится к малоизвестному образцу, ранее не публиковавшемуся в сборниках калмыцких народных песен.

В данной статье мы рассматриваем два варианта песни:

1. «Харһа сээхн харһла». Информант — Наниш Чонаевич Обушиев (запись 1970 г., перевод Б. Б. Манджиевой).

<i>Харһа сээхн харһла</i>	Гнедой прекрасный мой [скакун]
<i>Ханцн болгсн гүүдлтэ</i>	Быстрый бег имеет
<i>Харңһу бүрүлин алднд</i>	В темное сумеречное время [отправившись]
<i>Герэнэн бараһан алдлав.</i>	Очертания своего дома потерял.
<i>Бурһта салаһин экнэс</i>	По обросшему кустами краю балки,
<i>Бууһан үүрэд мордлав, мордлав</i>	Закинув ружье, поскакал, поскакал
<i>Зуг буйн хөөтнәннь бэхлэг</i>	Если есть благодетель в будущем,
<i>Чамтаһан хоюран жүрһхлэ,</i>	То вместе с тобой проживем
<i>жүрһхувидн.</i>	счастливо, счастливо.
<i>Зуг зах салаһин гекнэс</i>	По краю балки
<i>Залуһин омгар мордлав, мордлав</i>	С доблестью мужчины поскакал, поскакал
<i>Зуг заян хөвснәннь зуг бээхлэг</i>	Если счастье predetermined свыше,
<i>Сээхн мөнд ирхлэ, ирхвидн.</i>	Возвращусь домой счастливо, счастливо.

2. «Харһа сээхн харһла¹». Информант — Ноган Лиджиевна Бадалдаева (видеозапись 1998 г.): перевод Б. Б. Манджиевой).

<i>Харһа сээхн харһла</i>	Гнедой прекрасный мой [скакун]
<i>Һанцхн болтла гүдглой,</i>	Одиноко скачет
<i>Харһһу бүрүлин алдндлой</i>	В темное сумеречное время [отправившись]
<i>Зу ггериннь бараһан авлав</i>	Очертания своего дома увидел.
<i>Зуг зах салаһин адгасой</i>	По крайнему краю балки
<i>Залуһин номһар мордлав.</i>	С доблестью мужчины поскакал, поскакал

Анализируемые варианты калмыцкой народной протяжной песни «Харһа сээхн харһла» имеют между фиксациями временной промежутков в двадцать восемь лет. Сравнение текстов песни демонстрирует некоторые особенности сохранности и изменчивости фольклорного текста — как в музыкальном, так и в вербальном соотношении.

¹ Так звучит в исполнении информанта.

Песня «Харһа сээхн харһла» в исполнении Наниша Чонаевича Обушиева записана на Калмыцком радио в 1970 г. Наниш Чонаевич Обушиев родился 1905 г. в с. Ульдючины в бедной семье. Рано осиротев, с семи лет работал батраком. С детства слышал народные песни, легко запоминал их и впоследствии сам исполнял калмыцкие песни, рассказывал богатырские и бытовые сказки, блестяще владел жанром *йорял* (благопожелания) и хорошо знал обряды калмыков. Наниш Обушиев исполнял три песни героического эпоса «Джангар», танцевал калмыцкие танцы *өскэ цокдг*.

Второй вариант песни *ут дун* «Харһа сээхн харһла» в женском исполнении записан от Ноган Лиджиевны Бадалдаевой в 1998 г. корреспондентом ГТРК Калмыкии В. С. Нимгировой. Примечательно, что Ноган Бадалдаева была родом из того же села, что и Наниш Обушиев (село Ульдючины Приютненского района). Н. Бадалдаева, 1913 г. р, прожила долгую жизнь, была активным и жизнерадостным человеком, проникновенно исполняла народные песни, в том числе и *ут дун*.

«Харһа сээхн харһла» относится к жанру исторической песни периода гражданской войны. В тексте присутствует монолог от первого лица, где мужчина — герой песни, оставляя родной дом и вооружившись, темной ночью отправляется в путь на гнедом скакуне, но в душе надеется на дальнейшую счастливую жизнь со своей возлюбленной.

Ритмическая организация песен особенно заметна в начале, середине и конце стихов. С точки зрения стиховой формы в песне имеется единоначатие начальных слогов (анафора):

<i>Харһа сээхн харһла</i>	<i>В темный одинокий вечер на гнедом скакуне</i>
<i>Ханцн болгсн гүүдлтэ</i>	<i>Время убегает вскачь</i>
<i>Харһну бүрүлин алднд</i>	<i>В темное предвечернее время</i>

Песня богата аллитерациями, созвучиями гласных и согласных звуков, которые усиливают выразительность художественной речи:

<u>Зуг зах салахин гекнэс</u>	<i>По крайнему краю балки</i>
<u>Залухин омгар мордлав, мордлав</u>	<i>С доблестью мужчины поскакал, поскакал</i>
<u>Зуг заян хөвснэнь зуг бээхлэг</u>	<i>Если счастье предопределено свыше,</i>

В тексте присутствуют повторы:

<i>Бууһан үүрэд мордлав, мордлав</i>	Закинув ружье, поскакал, поскакал;
<i>Чамтаһан хоюран жсирһхлэ, жсирһхувидн</i>	Вместе вдвоем проживем в жизни счастливо, счастливо;
<i>Залухин омгар мордлав, мордлав</i>	Я словно мужчина поскакал, поскакал;
<i>Сээхн мэнд ирхлэ, ирхвидн.</i>	Возвращусь [домой] счастливо, счастливо.

Песня отражает особый внутренний мир героя, его переживания и надежду на благополучие. Оба варианта имеют характерные черты — широкий мелодический диапазон и протяженность, орнаментику, одухотворенность и выразительность, где «распевность и красочность преобладают над динамикой» [Бершадская 1978: 76].

Мужское и женское исполнение песни «Харһа сээхнь харһла» отличаются ритмическим рисунком. Так, в мужском исполнении песня звучит в темпе *largo*, размер 4;4. Каждая строфа начинается с затакта, слоготип начального типа варьируется, в первом варианте первый слог дробится на четверть с точкой, восьмую, затем быстро речитатируется, зона распева — на последнюю долю на дополнительных слогах «ло», «ий», минорного характера, фактура и высота исполнения не превышает двух октав (ноты представлены в приложении № 1).

В женском исполнении каждая строфа начинается со второй доли. Слоготип начального типа, первые два слога пропеваются, четвертый слог удлиняется, на дополнительных слогах «э», «ий» — более светлого характера, фактура и высота исполнения не превышает одной октавы (ноты даны в приложении № 2).

«Песенный ритм *ут дун* следует определить как свободный или несимметричный. Песенная фразировка опирается на дыхательный цикл... Особенное качество сильного дыхания при исполнении *ут дун*, образующего насыщенную тембровую окраску, согласуется с возгласно-кличевой направленностью интонирования, формирующей мелодический контур протяжных песен. Только при таком интенсивном дыхании становится возможным исполнение специфических вокальных приемов звукоизвлечения типа форшлагов или тремолирования, образуемых путем кратковременного озвученного смыкания связок, звукоизвлечение типа передувания (флажелетов) и т. д. Взятие дыхания наряду с цезурообразующей функцией может играть и иную роль, связанную с возможностью продлевания, усиления интонационной напряженности, как например, в распевах со словообрывами» [Дорджиева 2002: 147].

Текст песни записи 1970 г. содержит 12 строк, записи 1998 г. — 6 строк: в двух вариантах песни построчно выявлено, что 1, 3 совпадают текстуально и варьируются в незначительной степени.

Таким образом, можно заключить, что по сюжетно-композиционной структуре варианты близки. Память исполнителей сохраняет основные композиционные звенья лирического повествования, обеспечивающие сохранность фольклорного текста во времени. Несоответствия наблюдаются в нескольких случаях. В более поздней записи 1998 г. в исполнении Бадалдаевой Ноган Лиджиевны отсутствует финальная часть песенного образца, имеющаяся в записи 1970 г. в исполнении Наниша Чонаевича Обушиева. Кроме того, каждый исполнитель представляет свой материал в различном темпе, высоте, имеется разный ритмический рисунок, естественно, песни отличаются и тембрально. Можно отметить, что характер исполнения одной и той же песни весьма отличается: в женском исполнении он более яркого, светлого характера, нежели в мужском — грустный, минорный.

Возрождение и сохранение старинных калмыцких народных протяжных песен является важной и актуальной задачей для под-

растающего поколения калмыков. В репертуаре известной народной артистки Валентины Гаряевой сохранились такие калмыцкие народные протяжные песни, как: «Жаңһрин магтал», «Хар кел тоһрун», «Саайг сээхн сарул».

В исполнении Данары Шалхановой известны такие протяжные песни, как: «Маля тамһта борнь», «Арлду», «Нур дунд нуһсн сээхн», «Тууж». В настоящее время к традиции исполнения протяжных песен калмыков появляется интерес и у молодого поколения, в среде таких профессиональных артистов, как Диана Босхомжиева, которая исполняет: «Сайг сээхн саарул», «Шайш сээхн хурсн»; Эрэна Оргаева, исполняющая «Самбрин хурвн толһа», «Сөм хамрта парнцс» (в двух вариациях), «Дөрвн өнцгтэ сөмр уул», «Жаһрин магтал».

Изучение и введение в научный оборот калмыцкой народной протяжной песни «Харһа сээхн харнла» способствует сохранению и популяризации самобытного культурного песенного наследия калмыков.

Литература

- Бершадская 1978 — *Бершадская Т. С.* Лекции по гармонии. Л.: Музыка, 1978. 200 с.
- Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Г. А.* Ритмическая организация калмыцких протяжных песен // Ритм и форма: Сборник статей. СПб.: Союз художников, 2002. С.139–153.
- Земцовский 1978 — *Земцовский И. И.* Фольклор и композитор. Теоретические этюды. Л.: Советский композитор 1978. 173 с.
- Коваева 2014 — *Коваева Б. М.* Калмыцкая народная протяжная песня: степень сохранности текста в современных условиях [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4 URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14298> (дата обращения: 24.08.2019).
- Кульганек 2010 — *Кульганек И. В.* Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 240 с.

- Манджиева 2014 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких религиозных песен [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 4. С. 99–103. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_24/7557-mandzhieva.html (дата обращения: 13.06.2019).
- Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Типография К. Крайя, 1834. 286 с.
- Попов 1839 — *Попов А. В.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXII. Отд. II. СПб., 1839.
- Руднев 1909 — *Руднев А. Д.* Мелодии монгольских племен // Сборник в честь 70-летия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. 32 с.
- Тритуз 1965 — *Тритуз М. Л.* Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка, 1965. 110 с.
- Улымжиев 1994 — *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского пед. ин-та, 1994. 105 с.
- Цебииков 1991 — *Цебииков Л. И.* Сто калмыцких песен. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шивлянова 1999 — *Шивлянова В. К.* Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб., 1999. С. 541–560.
- Яцковская 1988 — *Яцковская К. Н.* Народные песни монголов. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. 256 с.

Харла сээхн харнла

калм нар. песня
в исполнении Наниша Чонаевича Обушиева
переложение Т.Убушиевой

Largo

Э - эй, хар-ха ха-хри - ло - - - ой хан - лой лой у-ой и-ой

хан - та бола һан - лой и - ой гү - дэ-ктэ и - лой и - ой

гү - дэктэн лой. Э - эй, ха-ран-һу бү-дэ-т лой и - лой

ал-дан дой-у - ой гэрэ нэ бараһан лой алдун и - ла и - лой

ал-дун лой Э - эй, бурһ - та салаһи-н лой и-ой ге-кн лэ и сон

и - ой буһан ү-ү-рэд лой - ой мор-ду и - лой и - ой мор-ду - лой

Э - эй, зуг бу - ян хар-һи нэ-эн и - ой бээх лэ - г лой у - ой

чам-та-һан хою - ран лой жир һгэ и - лой у - ой жир-һгэ лой

э - эй, зуг сала - гин лой и - ой ге - кинэ ой и-ой

2
43

залу-нин о-ма хар лой и - й мор-ду - на лой и - ой мор-дун лой

48

э - эй, зуг за - ян бээх - ло лой

51

сээ-хн ло - й мен-ду лой и-лой ир-хн-ля и-лой ир-ху лой.

Переложение нотного материала: калмыцкой народной протяжной песни: *ут дун* «Харһа сээһнь харһла»

На фотографиях:
Обушиев Наниш Чонаевич
и Елизавета Санджиева с детьми.
Фотографии предоставила
Кинзеева Киштян Ивановна

Харһа сээхнь харһла

ут дун

калм. нар. песня
в исполнении Бадалдаевой Ноган Лиджиевны
переложение Т.Убушиевой

Lento

Хар - һа сә - эх - - - - х - н хар - лу у - - -

- Эй, һанцхн болт-ла гү - дэ - - - ло - й

Эй, хари - һа - э - ой алдын - ооло - - - й

Эй, за - гинь бараган алдын - - - ло - й

Эй, сала һин лой адга-со - й э - эй за - лу - гин - лой

ном - га - лой морду - лой, мор - ду - лой.

Переложение нотного материала: калмыцкой народной протяжной песни: *ут дун* «Харһа сээхнь харһла»

Бадалдаева Ноган Лиджиевна